

Бай Лан пролежал под деревом пять дней.

Все эти пять дней Лу Чэнь почти не смыкал глаз. Днем он ходил ловить рыбу, собирать травы и хворост, а ночью сторожил у костра, каждый страж меняя влажную ткань на лбу Бай Лана. Жар то отступал, то возвращался с новой силой. В самую тяжелую ночь тот весь дрожал, крепко сжав зубы, и непрерывно твердил сквозь сон одно слово: холодно.

Лу Чэнь укрыл его всей своей сухой одеждой, подбросил в костер половину вязанки дров, разгораясь пламя всё ярче. Огонь осветил половину речного берега, обжигающая волна ударила в лицо, а лоб Лу Чэня покрылся капельками пота. Но Бай Лан по-прежнему жаловался на холод.

Лу Чэнь не знал, что делать. Он не был лекарем или травником — всего лишь рудокоп, беглец, с трудом выживающий в чаще. Он сделал всё, что было в его силах, но достаточно ли этого? На этот вопрос ответа у него не было.

На рассвете пятого дня жар наконец спал.

Лу Чэнь прислонился к дереву, веки отяжелели так, что их невозможно было поднять. Он услышал, как Бай Лан звал его — голос звучал тихо, но он расслышал.

— Лу Чэнь.

Открыв глаза, он увидел, что Бай Лан сидит под деревом, опираясь одной рукой о землю, пытаясь встать. Лицо его все еще оставалось бледным, но выглядел он намного лучше, а губы обрели естественный цвет.

— Лежи смирно, не двигайся, — произнес Лу Чэнь.

— Пролежал слишком долго, кости затекли, — ответил Бай Лан, но все же опустился обратно на землю. Он аккуратно сложить наброшенные на него вещи и положил рядом: — Это твое?

— Мое.

Бай Лан бросил на него взгляд: — Ты отдал мне всю одежду, а в чем ходишь сам?

— Мне не холодно, — соврал Лу Чэнь. На самом деле холод пробирал до костей — ночи в лесу куда суровее тех, что бывали в шахтах. Но он справлялся: с тех пор как тот осколок проник в его тело, стойкость к холодам возросла многократно.

Бай Лан не стал допытываться. Прислонившись к стволу, он прикрыл глаза, словно прислушиваясь к ощущениям в собственном теле. Спустя мгновение он открыл их и сказал: —

Я проголодался.

Лу Чэнь достал из заплечного короба кусок запеченной рыбы и протянул ему. Рыбу, величиной с ладонь, он поймал в ручье накануне, и она пропеклась до золотистой корочки. Бай Лан взял ее, с минуту разглядывал, а затем откусил кусочек. Пожевав пару раз, проглотил.

— Люди питаются вот этим? — поинтересовался он.

— У меня больше ничего нет, хочешь — ешь, не хочешь — возвращай, — ответил Лу Чэнь.

Возвращать Бай Лан не стал и продолжил есть. Он упледел всю рыбу целиком, без остатка, проглотив даже тщательно прожеванные кости. Расправившись с едой, он выплюнул мелкие косточки и уттер рот тыльной стороной ладони.

— Спасибо, — бросил он.

— Разве ты не сын вождя Клана Волков? — не удержался от вопроса Лу Чэнь. — Как тебя угораздило патрулировать в этакой глуши в полном одиночестве?

Выражение лица Бай Лана ничуть не изменилось, будто он рассуждал о чем-то постороннем: — Я младший сын. У меня есть старший брат и вторая сестра. Брат — наследник, сестра — сильнейший воин в клане. А я здесь лишний. Если кому-то поручают работу, от которой все нос воротят, отправляют меня.

Лу Чэнь умолк. В памяти всплыло, как старик Ли, называя его лишним, неизменно смягчал голос сочувствием. Но в словах Бай Лана не слышалось ничего, кроме пустоты — словно он констатировал погоду за окном.

— А твои родители? — спросил Бай Лан.

— Я никогда не видел ни отца, ни мать, — отозвался Лу Чэнь. — Рос на руднике с малолетства.

— Работал в шахте?

— Да.

— Тогда с какой стати ты сбежал в лес?

— Потому что я перестал быть нормальным человеком, — признался Лу Чэнь. Он сам не понимал, зачем выкладывает это первому встречному, но слова уже сорвались с губ, и вернуть их не получалось. — Во мне произошли изменения, и теперь Охотники на демонах идут по

моим следам. Если бы я не сбежал, меня либо прикончили бы на месте, либо заперли в клетке и пытали до самой смерти.

Бай Лан смотрел на него, и в золотистых глазах отражалось пламя костра.

— Ты ведь тоже не обычный человек, — добавил Лу Чэнь. — Ты из Клана Волков.

— Я волк, но в моих жилах течет кровь императорского рода, — пояснил Бай Лан. — В нашем клане императорская кровь ставит нас особняком даже от сородичей. Мой брат унаследовал дар отца, сестра — боевую мощь матери. А мне не досталось ничего. Вот отец и говорит, что я лишний.

Лу Чэнь не нашелся что ответить. Ему хотелось сказать, что тот вовсе не лишний, но чужая жизнь была ему неведома. Возможно, среди волков он действительно был обузой.

— Ты меня спас, — произнес Бай Лан. — По законам Клана Волков за спасение жизни платят собственной жизнью.

— Не нужно, — отрезал Лу Чэнь.

— Я и не собираюсь платить, — возразил Бай Лан. — Я лишь упомянул о законе. Ты хочешь платы?

— Нет.

— Вот и отлично. — Бай Лан закрыл глаза. — К тому же я не планировал расплачиваться. С моим нынешним состоянием такая плата означала бы верную смерть.

Лу Чэнь не знал — смеяться ему или злиться. Манера речи этого создания кардинально отличалась от всех, кого он встречал прежде. Никаких церемоний, ни капли фальши или притворства: что на уме, то и на языке.

— До чего же ты забавный, — покачал головой Лу Чэнь.

— Отец говорил то же самое, — открыв глаза, откликнулся Бай Лан. — Только добавлял, что со мной смертельно скучно.

Оба замолчали.

Солнце поднялось выше, лучи заиграли сквозь листву, рассыпая по земле пестрые тени. Ручей под солнечным светом искрился россыпью золотых брызг, а рыбы безмятежно резвились в

воде, не подозревая, что на берегу таится опасность.

— Что ты собираешься делать, когда раны заживут? — поинтересовался Лу Чэнь.

Бай Лан задумался: — Вернусь в лагерь.

— А потом?

— Продолжу патрулирование.

— Разве тебе не хочется уйти отсюда? — спросил Лу Чэнь. — Ты сам говорил, что отец считает тебя балластом, а сородичам наплевать. Ни разу не возникало мысли бросить всё?

Бай Лан перевел на него непомигающий взгляд золотистых глаз: — Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Лу Чэнь опешил от такого вопроса. Он вовсе не планировал ничего подобного — по крайней мере, ему так казалось. Им двигало лишь праздное любопытство: станет ли человек, которым пренебрегают близкие, искать спасения в бегстве так же, как он сам?

— Не знаю, — честно признался он.

Бай Лан опустил взгляд на собственные раны. Повязки, наложенные Лу Чэнем, уже пропитались кровью, превратившись в бурые пятна. Он коснулся пальцами бинта на левом плече, под которым скрывался глубокий, до кости, след от когтей.

— Если я сбегу с каким-то человеком, отец со зла отбросит копыта, — проговорил он.

— Тогда не беги, — предложил Лу Чэнь.

— Если останусь, меня ждут бесконечные дозоры и схватки с дикими зверьми, и рано или поздно я погибну, — возразил Бай Лан. — Точно так же, как двое моих спутников.

Лу Чэнь промолчал.

— Я хочу уйти, — тихо произвел Бай Лан. Голос звучал ровно, словно он озвучивал решение, вынашиваемое годами. — Я хочу увидеть земли за пределами владений Клана Волков. Хочу узнать, насколько велик этот мир, сколько здесь разных народов и путей существования.

Он замолчал на мгновение, вглядываясь в дальний горизонт. — Но одному мне страшно. Я родился в лагерном стане волков, а дальше приграничных троп никогда не выбирался. О том,

что творится за этими пределами, не имею ни малейшего представления.

— Ты боишься? — уточнил Лу Чэнь.

— Да, — ответил Бай Лан. — Боюсь.

Впервые в жизни Лу Чэнь слышал, чтобы волк открыто признался в страхе. В его представлении волки были бесстрашными воинами, способными стоять на крепостных стенах с рычанием навстречу врагу и не отступать ни шагу назад. Но Бай Лан признался, что ему страшно.

В этот момент Лу Чэнь отчетливо понял: они похожи. Оба изгнанники, оба страшатся неведомого мира, оба жаждут побега, но не решаются ступить в неизвестность в одиночку.

— Когда твои раны заживут окончательно, — сказал Лу Чэнь, — если надумаешь уходить — я могу составить тебе компанию.

Бай Лан посмотрел на него, и в глубине золотистых глаз что-то блеснуло.

— Ты — человек, который в обычном лесу не способен найти дорогу, и куда ты собрался со мной идти?

— А ты — волк, которого в здешней чаще дикие звери едва не разодрали в клочья, и у тебя хватает наглости меня попрекать?

Бай Лан замер на секунду, а затем рассмеялся. На этот раз уголки его губ не просто дрогнули — это был настоящий смех. Лицо преобразилось настолько, что стало неузнаваемым: глаза сощурились полумесяцами, уголки рта взметнулись вверх, обнажая пару острых клыков.

— Ты прав, — кивнул он. — Стоим друг друга.

— И вовсе мы не стоим друг друга, — буркнул Лу Чэнь.

— Еще как стоим.

Снова воцарилось молчание. Но на сей раз оно не тяготило своей неловкостью. Раньше они молчали оттого, что были чужаками и не знали, о чем говорить. Теперь же слова стали излишни — оба и так всё поняли.

В последующие дни раны Бай Лана затягивались на глазах.

На третий день он уже самостоятельно поднимался на ноги и передвигался без посторонней помощи. На пятый — сопровождал Лу Чэнь к ручью за рыбой: движения еще сохраняли некоторую скованность, но вид тяжелораненого исчез окончательно. Когда Лу Чэнь поинтересовался, все ли волки обладают столь невероятной регенерацией, Бай Лан ответил утвердительно.

— С такими ранами человек бы минимум месяц провел прикованным к постели, — заметил Лу Чэнь.

— Я не человек, — напомнил тот.

Лу Чэнь прекрасно осознавал, что его спутник — не человек, и тем не менее продолжал относиться к нему как к обычному парню. Уж слишком похожими были их манера говорить, смеяться и даже задумчиво смотреть по сторонам.

— Ты всегда такой болтливый? — осведомился как-то Бай Лан.

— Это я-то болтливый? — Лу Чэнь ткнул пальцем в грудь. — Да от тебя слова лишнего не дождешься... то есть, погоди, это ты трещелка!

— Я скажу одно слово, а ты в ответ выдаешь три.

— Потому что каждое твое слово так и нарывается на грубость.

Бай Лан снова улыбнулся, обнажив клыки. Лу Чэнь подумал, что сейчас эти зубы выглядели совершенно безобидно — точно у какого-нибудь щенка. Вслух, впрочем, он этого произносить не стал, опасаясь, как бы молодой волк не вздумал пустить их в дело.

На седьмой день Бай Лан объявил, что исцелился на семь десятых и готов выступать в путь.

— Куда путь держим? — спросил Лу Чэнь.

— Сперва в лагерь Клана Волков, — ответил Бай Лан. — Я дал слово, что проведу тебя.

— Ты уверен, что сородичи меня не прикончат?

— Не уверен, — честно признался тот. — Но пока я рядом, они этого не сделают.

Уверенности в словах Лу Чэнь не почувствовал. В конце концов, в собственном клане Бай Лан считался «лишним», так велик ли вес его слова? И всё же выбора не оставалось. Проведя в чаще больше месяца, он не встретил ни единой живой души, способной связать пару слов. Ему

требовалось где-то перевести дух — пусть даже временно.

Они двинулись на север, следуя вдоль извилистого русла ручья.

Бай Лан шел впереди, Лу Чэнь — следом. Шаг волка был неторопливым, но удивительно твердым и размеренным — казалось, он мерит шагами дорогу, по которой хаживал сотни раз. Ступая след в след за проводником, Лу Чэнь обратил внимание, что следы на земле оставались куда глубже, чем он предполагал — каждый шаг выдавливал в сырой почве отчетливую глубокую выемку.

— Сколько ты вешишь? — поинтересовался Лу Чэнь.

— Тяжелее тебя, — не оборачиваясь бросил Бай Лан.

— Насколько?

— Понятия не имею. Волки не взвешиваются.

Больше Лу Чэнь расспрашивать не стал.

Лес вокруг сгущался, стволы становились толще и выше, густые кроны почти полностью заслоняли небо, пропуская лишь редкие пятна солнечного света. Под ногами ковром ложилась прелая листва, пружинящая мягко, словно пуховая перина. Воздух пропитался ароматом сосновой живы и мха с едва уловимой, трудноописуемой сладковатой ноткой.

— Скоро подойдем к границе владений клана, — предупредил Бай Лан. — Чувствуешь?

— Что именно?

— Пограничные метки. На рубежах угодий волки разбрызгивают сок особых трав. Сородичи его чувят, а чужаки — нет.

— Тогда почему я его чувствую?

Бай Лан остановился, резко обернувшись к нему: — Ты правда его чувствуешь?

Лу Чэнь кивнул. Он действительно улавливал тонкий свежий запах, напоминающий смесь мяты и полыни, который отчетливо выделялся на фоне привычного букета смолы и гниющего мха.

Побудившись с минуту под его пристальным взглядом, Бай Лан отвернулся и зашагал дальше: — Сила Клана Крови в твоём теле развита сильнее, чем я думал. Если тебе под силу распознать

волчьи метки, значит, твое обоняние уже превзошло чутье чистокровных сородичей.

Лу Чэнь не понял, радоваться этому или опасаться.

Спустя еще полдня пути впереди замаячили строения. Это были вовсе не привычные людские дома из тесаного камня, а ладно сбитые из бревен хижины и палатки из звериных шкур, разбросанные по просторной горной долине. Со всех сторон долину окружали крутые пики, заросшие непроходимым лесом, и лишь на юге чернел узкий проход.

— Серебряный Клык, — произнес Бай Лан. — Главный лагерь Клана Волков.

Остановившись у входа в долину, Лу Чэнь окинул взглядом панораму селения. Насчитав с три сотни жилищ самых разных размеров, плотно лепившихся друг к другу, он заметил мелькающие между ними фигуры. Некоторые выглядели совершенно по-человечески, другие сохраняли полуволчьи черты. До ушей доносился глухой гул голосов: смех, перебранки, плач детенышей, звон ударяющегося друг о друга металла. Местечко больше всего напоминало оживленный поселок — только принадлежащий оборотням.

— Идем, — скомандовал Бай Лан. — Держись за мной, не вздумай шататься где попало.

Шагая по пятам за проводником, Лу Чэнь вошел в долину. Сердце колотилось где-то в горле, а ладони моментально вспотели. Он понятия не имел, какая участь его ждет, но точно знал одно — пути назад больше нет.

Пальцы нащупали на груди медный амулет — круглое кольцо все еще хранило тепло его тела.

«Старик Ли, — мысленно обратился он в пустоту. — Я добрался до волков».

<http://bllate.org/book/22378/2347698>